

Другая форма жизни

Герман
Алексей

17.12.98

В жизни Алексея ГЕРМАНА уходящий год значил много. Ему исполнилось 60 лет. Присудили премию «Триумф». А главное — он завершил картину. Правда, на Каннском фестивале она вызвала шок и возмущение, к тому же так совпало, что вскоре после появления «Хрусталева» кризис положил конец эпохе «радикальных реформ». Об этом со знаменитым кинорежиссером беседует наш корреспондент Наталья СИРИВИЛЯ.

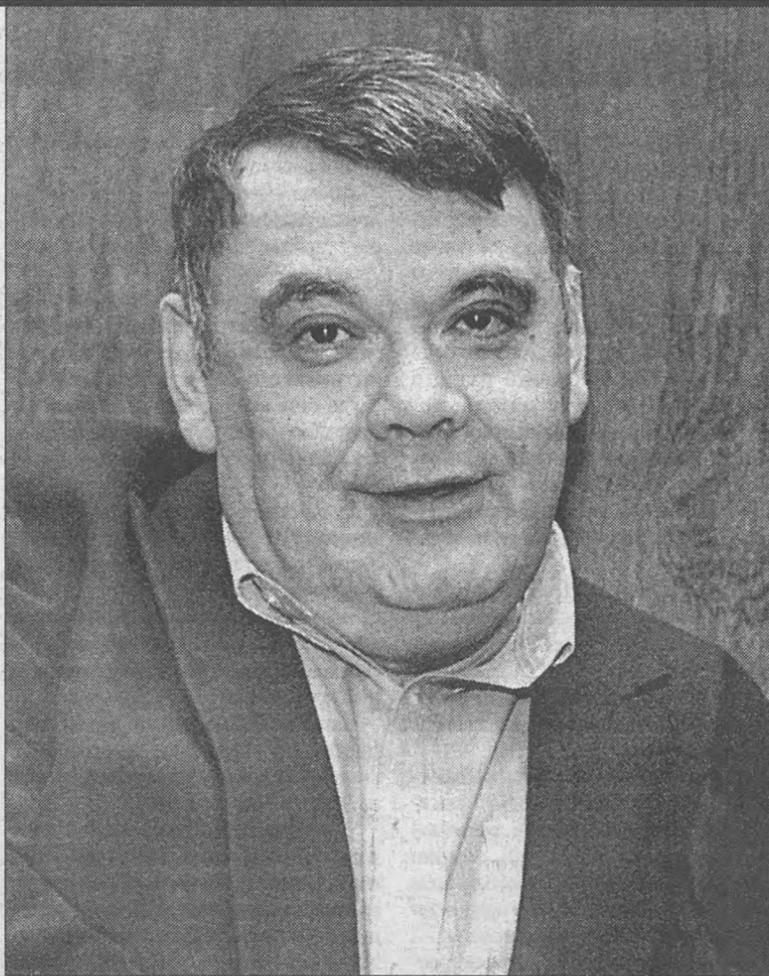
Власть надо уважать. Я не сторонник Явлинского, тем не менее он прав: «Власть нельзя трогать руками». Нельзя бить милицию, нельзя убивать милиционеров. В Америке попробуй-ка, подвесь под глаз полицейскому, будешь, как говорят в Одессе, иметь еще тот вид. А у нас меня за что-то штрафуют, тут же на дикой скорости проносится «BMW». Я говорю милиционеру: «Что ж ты его не штрафуешь?» Он отвечает: «Жить хочу».

Это что, было непонятно? Теперь жалуются: «Ах, у нас бандитизм!» Так что, Швейцария должна за нас отдуваться? Ах, мы возмущены Швейцарией, которая не ловит наших бандитов и не хочет их за казенный счет кормить! Я не могу утверждать, естественно, бандит этот Михайлов или нет, но в том, что он не зубной врач, у меня почему-то сомнений не возникает. «Ах, у нас организованная преступность!» Хватились. Да все это на наших глазах завязывалось и переплеталось. Министра юстиции поймали в солнцевской бане. А сколько таких бань топится по стране?

— А сколько вдруг развелось антисемитов...

— Все возмущены: «Илюхин, Макашов, безобразия!» Но на моей памяти уже в постсоветские времена — это третий подскок антисемитизма. И надо быть полным дегенератом, чтобы кое-чего не заметить. Первый всплеск был при обожаемом нынче М.С. Горбачеве. Тогда была вспышка «Памяти», которая не только митинговала у нас в садике около Академии художеств под охраной милиции и художников в штатском, но и выступала в Ленинградском университете под гул восторженных студентов. Все это явно не могло пройти мимо Михаила Сергеевича. Я уверен, это было решение ЦК: перевести стрелки на евреев. Есть нечего, в магазинах пусто и пахнет, как в морге... В Индонезии во всем виноваты китайцы, у нас — евреи, в Средней Азии — русские. Так просто, так удобно.

Проходит какое-то время, и нас собирают уже у Ельцина за «круглым столом». Тема та же: наступление коричневых, фашизм, антисемитизм. Говорили бесконечно, вырабатывали меры, требовали привлечь виновных к ответственности. С тех пор прошло ну, наверное, лет шесть-семь. И ничего не сделали. Ни-че-го. После хлопка в эконоимке я опять наблюдаю, как все протестуют, грозятся, собираются. Гусинского задела? Я прожил при скрытом или явном государственном антисемитизме всю жизнь. Как сын известного русского писателя и мамы-еврейки я много чего наслушался от директоров заводов, от высших военачальников... Антисемитизм был всегда. Но мне кажется, что время от времени нажимается какая-то кнопка, и эта тема начинает раскручиваться в «государственных» интересах. То как результат поражения в войне с Японией, то как следствие неудачи реформ. При некотором стечении обстоятельств все это может перерасти в победу фашизма — так просто, так ясно. Сейчас истерия раздувается, скорее всего, для того, чтобы подогнать интеллигенцию, которая к антисемитизму относится со страхом и отвращением, — к ноге того, кто защищает и заступится, будь то Лужков, Лебедь, Явлинский. Коммунисты тоже не внакладе. И к ним многие прибегают. Илюхины на этом деле приобретают

Алексей Герман

голоса, а не теряют. Народ «чужаков» не то чтобы не любит, но в худшей своей части остерегается. Черчилль говорил, что в Англии антисемитизма нет, потому что англичане не считают евреев умнее себя.

— Неплохо бы взять на вооружение.

— Да где там! Ладно, народ. Вот Алексей Балабанов, режиссер, который дебютировал в нашей мастерской первого и экспериментального фильма, не моргнув глазом, говорит в интервью петербургской газете «Пульс», что он — провинциал, в провинции евреев не любят, и он — не исключение. А человек с высшим образованием, гуманитарий, снимал картины по Кафке, по Беккету. Антисемитов в стране не счастье, но большинство стесняется, а Балабанов не постеснялся. И что, проиграл на этом? Нет. И не проиграет, потому что, сняв фильм «Брат», стал режиссером массовым, а масса такие вещи любит, масса к этому относится с пониманием.

Так что вся нынешняя шумиха по поводу антисемитизма, поверьте, ничем не кончится. Никаких дел заведено не будет, никого не посадят, потому что это, как ни странно, глубины и бездны государственной политики.

Я не то чтобы предвидел ход событий, никакой я не пророк. Просто художник чувствует какие-то вещи, художника нужно слушать. Представьте себе фантастическую ситуацию: «Брежнев, читающий стихи Киплинга». А ведь если бы почитал, кое-что понял бы. Там ведь тоже был «ограниченный контингент», только английский, введенный для наведения порядка в Афганистан. Те же сто с лишним тысяч солдат, те же сводки военных действий, та же желтуха, тот же Кандагар... Англичане умели сражаться, но и у них ничего не вышло, выкинули, выплюнули... Ты послушайся художника, почитай. Нет, не слушают, да и слушать не будут.

— Но вас все-таки слушают. Даже «Триумфом» наградили...

— Я очень благодарен группе художников, которые проголосовали за то, чтобы я получил эту замечательную премию, которую называют русской «Нобелевкой». Может быть, они перебрали, есть люди подстойнее меня, но все же я рад: таких премий я еще не получал, да и вряд ли когда-нибудь получу. Однако, признаюсь, жду вручения с опаской. В последнее время на меня обрушился шквал премий, которых я так и не получил. Первую премию мне присудило НТВ на фестивале в Выборге, где показывали материал «Хрусталева». Я в печати благодарил, был даже на телевидении «героем дня». Потом хлопок — нет премии. «Московские новости» писали об этом: единственная газета, заступившаяся за меня, когда я поссорился с НТВ.

Дали мне орден. По телевизору объявили. Телеграмма пришла от Ельцина, где было написано, что я — рыцарь. Большое спасибо. Но ордена я так и не получил. Может быть, металл подорожал. Может, забыли в суете. Кому-то дали поносить на время... Ладно, переживем, не буду ходить я с орденом. Можно ходить с телеграммой.

Из-за чего я расстроился, так это из-за премии МВД. Позвонила мне женщина, очень суровая, и сказала, что меня хотят наградить премией МВД. Тут я засуетился. Представьте: останавливает меня ГАИ, а я сую бумажку, что я лауреат премии МВД! Меня предупредили: «Такого-то числа с утра обязательно быть дома». Такого-то числа я не мог быть дома, но каждые полчаса унизительно звонил сыну, не было ли звонка из МВД. Но никто так и не позвонил.

Теперь «Триумф». Я тут встретил одного приятеля, он говорит: «Я видел Бориса Абрамовича, он какой-то угрюмый...», — и, демонически хохоча, удалился...

— С Березовским, думаю, все будет в порядке. А вот что с вашей картиной? Когда мы ее увидим?

— С нею совершенно гоголевская история. Французы стали очень скверно печатать копии: нефокусные, гадость за гадостью. Мы собрали здесь технический совет и на основании его компетентного заключения устроили французам грандиозный скандал, в результате которого свои копии они напечатали замечательно, а мы забрали у них негатив. Естественно, нам обещали, что на «Мосфильме» все сделают отлично, там и машины лучше, и люди лучше, и все лучше. Я согласен с одним: люди на «Мосфильме» действительно лучше. О машинах ничего сказать не могу, не понимаю. Но копию они напечатать не могут. Все время идет брак. Конечно, картина снята очень сложно, но эта история тянется уже три месяца. У нас нет ни одной русской копии. Ни одной. А про меня все это время сочиняют, что я переклеиваю картину, перемонтирую. Да я там кадра не тронул! Зачем это мне делать?

Все это я проходил с «Лапшиным»: «Непонятно! Бред! Броуновское движение...» Потом были очереди у маленьких кинотеатров и восторженные статьи, но что было раньше, не помнит никто. Как меня, не по службе, а по дружбе, клеймили мои же товарищи — Элем Климов, Андрей Смирнов... Покойный Ролан Быков сказал: «Я вообще ничего не понял. Ты что, с ума сошел?» Но это друзья, а Володарский со мной четыре года не здоровался...

— Что будет с «Хрустальевым»?

— С «Хрустальевым», поверьте, будет то же самое. Совсем несложная картина, только язык непривычный. Кстати, рецензии в специальных кинематографических журналах — французских да и английских, — мало сказать, хвалебные, просто хоть в музей становись. В картине есть текст «моей» бабушки Юлии Гавриловны: «Я столько видела, я столько знаю, как жаль, что это уйдет вместе со мной». Так вот: мы хотели, чтобы «это» с нами не ушло. «Хрусталева» достаточно сюжетное кино, но мне очень хотелось, чтобы какие-то вещи, которые довелось увидеть и ощутить мне за свои 60, Светлане за ее 58 лет жизни, остались... Тут и воспоминания, и размышление о стране... Это чувственное кино, кино ощущений, а не расшифровок. Мне важно было не объяснить все на пальцах, но воссоздать атмосферу недоумения, страха, непонимания, в которой все мы жили, в которой живет наш герой...

Почему мне не могут простить, что я не горю желанием разговаривать со зрителями в «Макдоналдсе»? Я собираюсь разговаривать с ними в маленьком зале. Мы могли бы получить очень большие деньги, если бы согласились на прокат в гигантских кинотеатрах. Но мы будем показывать фильм в маленьких кинозалах, будем ездить с ним по стране, как когда-то с «Лапшиным»... И постепенно все встанет на свои места. А то, что в фильме должна быть завязка, кульминация и развязка, известно мне лет этак сорок. Я могу и такое кино снимать. Сейчас вот собираюсь делать фильм по роману Стругацких «Трудно быть богом» — фильм, кстати, о трагедии реформаторства в России. Там я, конечно, не буду самовыражаться. Там будет, как в «Проверке на дорогах», жесткий сюжет, железно выстроенный, интересный... И вообще, фильм этот будет предназначаться скорее для детей и подростков, чем для людей моего поколения. А в «Хрусталева» государство предоставило нам возможность рассказать со своей жизнью. Даже два государства: Франция и Россия. Кто же такой шанс упустит? Мы и не упустили, чему я от всей души рад.